

©

Сучков Г.В.
ИВ РАН

**ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ в ИНДОНЕЗИИ на СТЫКЕ
XX и XXI СТОЛЕТИЙ: СТРУКТУРА, ЦЕЛИ и
ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
«ДЖЕМАА ИСЛАМИЯ»**

Отставка президента Сухарто и падение режима Нового порядка в 1998 г. привели к нарушению политического статуса в Индонезии. Армия, на протяжении предшествующих десятилетий бывшая цементирующим началом индонезийской государственности, приступила к постепенному уходу из политики. Силовые структуры, ранее выжигавшие каленым железом любые проявления вольнодумства, ослабили хватку, в результате чего ситуация с обеспечением безопасности населения несколько ухудшилась, хотя страна и не погрузилась в тотальный хаос, как то иногда предсказывали. Шанс для себя в изменении обстановки увидели многие, в том числе и радикально настроенные лица. Некоторые из них стояли у истоков организации «Джемаа исламия» («исламская община»; далее – ДИ), образовавшейся в 1990-х гг. вследствие раскола движения «Даруль ислам» («мир ислама») и превратившейся в ядро террористической активности в Индонезии.

Первым лидером «Даруль ислама» был С.М. Картосувирьо. В 1962 г. предводитель повстанцев был схвачен и приговорен к смертной казни. Расстрел Картосувирьо не поставил точку в истории движения, которое всего через несколько лет возродилось с той же целью: вести борьбу за создание в Индонезии государства на исламском фундаменте.

Многие члены «Даруль ислама» прошли через школу подготовки за рубежом. Во время войны в Афганистане экстремисты из Юго-Восточной Азии (ЮВА) получали возможность набраться опыта и знаний в этом государстве. После вывода советских войск из Афганистана наработанные контакты прерваны не были, и боевики из ЮВА по-прежнему извлекали немалую выгоду из сотрудничества с радикальными

исламскими группировками, действовавшими в других регионах.

Обучение в иностранных лагерях не только повысило уровень подготовки экстремистов из ЮВА, но и привело к изменению их идеологических представлений. Салафизм довольно глубоко пустил корни в сознании рекрутов из Индонезии, которые впоследствии нередко вступали в конфликт с некоторыми из тех, кто находился у кормила «Даруль ислама», т.е. лицами, не всегда готовыми в полной мере принять новые религиозные веяния. Прошедшие через горнило тренировок (или даже реальных сражений) за рубежом боевики демонстрировали нетерпимость по отношению к засилью в верхнем эшелоне движения концепций, расхившихся с теми, которые впитывали моджахеды во время их пребывания за границей. Это, в конечном счете, стало одним из факторов, породивших раскол в «Даруль исламе» (структуре по своей природе далеко не монолитной, что доказывает ее история, полная раздоров) и приведших к созданию ДИ.

ДИ распространила свою сеть далеко за пределы собственно Индонезии: ее лидеры выступали за безоговорочное утверждение ислама на гораздо большей территории. Еще в 1990-х гг. руководство ДИ приняло решение о разделении сферы деятельности этой группировки на четыре округа, которые должны были охватывать не только Индонезию, но и Малайзию, Сингапур, Бруней, Австралию, а также, частично, Таиланд и Филиппины¹.

ДИ не всегда представляла собой целостное образование. Иногда в ней вспыхивали разногласия по тому или иному вопросу. Показательными в этом плане были события начала 1998 г., когда увидела свет знаменитая фетва Всемирного исламского фронта. В ней говорилось о том, что обязанностью всех мусульман является убийство американцев и их союзников, как военных, так и гражданских лиц. Группировки, вставшие на путь джихада, призывались к вхождению в состав Фронта. Это серьезно повлияло на ДИ. Организация столкнулась с дилеммой относительно того, в каком направлении ей следовало двигаться в будущем. ДИ

сосредотачивалась на делах внутрорегиональных, целью ее верхушки было создание исламского государства в ЮВА, а не сопротивление США и их партнерам по всему земному шару. Усама бен Ладен, непосредственно причастный к появлению фетвы, фактически предлагал отказаться от джихада локального в пользу священной войны в глобальном масштабе².

Руководители ДИ направили в Индонезию письмо, в котором содержался призыв Усамы бен Ладена к переходу исламских сил под крыло Фронта. Бумага предназначалась в первую очередь движению «Даруль ислам», от предложения отказавшемуся, что было вызвано, вероятно, несколькими причинами. Во-первых, международным фоном рассматриваемых событий. Соединенные Штаты демонстрировали силу, нанося удары по позициям экстремистов в Афганистане после нападений на американские дипломатические миссии в Кении и Танзании. Гаос Тауфик, один из ветеранов исламистского подполья Индонезии, отмечал, что движение «Даруль ислам» не могло справиться даже с властями этого государства, следовательно, о вызове США не могло быть и речи³. Во-вторых, не исключено, что некоторые члены «Даруль ислама» затаили обиду на Абдуллу Сунгкара и Абу Бакара Башира, первых лидеров ДИ, которые в глазах их вчерашних соратников могли быть раскольниками. Примечательно, что и сама ДИ не была едина в своем отношении к словам Усамы бен Ладена (как показало дальнейшее развитие событий, организация все же предпочитала сосредотачивать усилия на работе в ЮВА).

Несмотря на имевшиеся между ее членами противоречия, ДИ продолжала свое существование, более того – становилась все решительнее.

Организация имела несколько источников финансирования. Одним из них была деятельность компаний, находившихся под контролем экстремистов. Так, в 1990-х гг. в первом округе ДИ (сфера деятельности – Сингапур, Западная Малайзия и Южный Таиланд) было создано экономическое управление, в ведение которого передали несколько подставных предприятий (в том числе строительную фирму и

аудиторскую контору), обеспечивавших финансовую подпитку этой организации⁴. Примечательно, что вставший у руля указанного управления выходец из Сингапура Фаиз бин Абу Бакар Бафана имел за плечами хорошее образование и опыт легальной работы, что было характерно для ДИ. Так, по данным, на которые ссылаются некоторые исследователи, верхушка ДИ в свое время насчитывала, по меньшей мере, пять преподавателей Технологического университета, одного из ведущих учебных заведений Малайзии⁵.

Значимым механизмом сбора средств были и индивидуальные взносы. Симптоматична в этом отношении ситуация с финансированием деятельности лагеря ДИ на юге Филиппин (его содержание требовало, по некоторым оценкам, 25 тысяч долларов США в год). В конце 1990-х гг. первый округ ДИ сумел собрать за счет подобной аккумуляции ресурсов почти половину необходимой суммы всего за две недели⁶.

Имело место и содействие со стороны других террористических структур. Помощь приходила не только в форме передачи знаний и опыта в тренировочных лагерях, но и в виде финансовой поддержки⁷.

Поначалу ДИ едва ли могла представлять значительную угрозу режиму президента Сухарто в Индонезии и политическим порядкам в других государствах региона. Первые несколько лет жизни этой группировки были посвящены подведению под ее деятельность идеологической базы и построению работоспособной структуры. В тот период центр тяжести ДИ находился в Малайзии, где нашли прибежище некоторые индонезийцы, скрывавшиеся от преследования со стороны Нового порядка. Речь идет, в частности, об Абдулле Сунгкаре и Абу Бакаре Башире, возглавивших отколовшуюся от «Даруль ислама» группировку. Лишь после падения режима Сухарто они смогли вернуться в Индонезию. Вскоре после этого ДИ, оставив период подготовки позади, изменила характер своих действий и перешла к проведению громких террористических актов.

Наибольший резонанс имели взрывы на Бали в октябре 2002 г., унесшие жизни 202 человек, в том числе иностранцев⁸.

Примечательно, что и до того остров привлекал взоры террористов, видевших в этом регионе не только оплот индуизма в Индонезии, но и средоточие разврата, который приносили и распространяли среди местных жителей зарубежные гости.

Взрывы октября 2002 г. стали для страны не первыми, но масштабность их последствий заставила индонезийское руководство пойти на решительные меры, которые принимали различную форму. Политика противодействия терроризму в Индонезии была активизирована.

Энергичные попытки властей найти ответ на террористическую угрозу проявились, в частности, в возникновении в структуре полиции специальных сил, ответственных за проведение операций по борьбе с террористами. Так называемое Подразделение 88 было создано вскоре после событий на Бали 2002 г.⁹ Оно, действуя при поддержке из-за рубежа, уже доказало обоснованность своего формирования.

Важно подчеркнуть, что многие в Индонезии рассматривали вывод сотрудничества с иностранными партнерами на новый уровень, ставший реальностью после событий на Бали, как предательство индонезийских интересов. Показательной в этом отношении была ситуация, сложившаяся в 2002 г. По воспоминаниям человека, в то время бывшего переводчиком Государственного департамента США, незадолго до октябрьских взрывов американская сторона призвала Джакарту задержать и передать Вашингтону Абу Бакара Башира. Индонезия ответила отказом¹⁰. Позиция ее лидера Мегавати Сукарнопутри была легко объяснима. В глазах жителей Индонезии едва ли есть больший грех, чем предоставление иностранцам возможности вмешиваться в дела этого государства. Широкая индонезийская общественность наверняка болезненно отреагировала бы на передачу в руки Соединенных Штатов человека калибра Башира, хотя стоит заметить, что большинство индонезийцев не испытывало к этой фигуре особых симпатий.

Всего через несколько месяцев после описываемых событий И Маде Мангу Пастика, на чьи плечи легла

ответственность за расследование взрывов на Бали, признал, что сотрудничество с другими государствами могло многое дать индонезийским властям, однако у взаимодействия были и негативные последствия. «В Индонезии оно воспринимается, особенно некоторыми аналитиками и политиками, как форма нарушения иностранными правительствами суверенитета Республики Индонезии», – подчеркивал высокопоставленный силовик¹¹. Данное замечание совершенно справедливо: немалую часть населения Индонезии отличает высокая степень недоверия к намерениям других, в первую очередь западных, стран.

Многие индонезийцы искренне верят в невиновность лиц, обвиняемых в причастности к террористическим актам, полагая, что за их организацией стоят иностранные силы, в первую очередь США и Израиль. Так, осенью 2002 г. Абу Бакар Башир гневно выступил против этих двух государств, навесив на них ярлык «истинных террористов»¹².

Политика лавирования между необходимостью нахождения общего языка с зарубежными, в первую очередь западными, партнерами, с одной стороны, и минимизацией негативных внутривластных последствий такого рода контактов, с другой, была свойственна всем президентам постсухартовской эпохи. На протяжении последних полутора десятилетий главы индонезийского государства с переменным успехом пытались обрести разумный баланс между сохранением продуктивного характера отношений с ведущими силами на международной сцене и поддержанием имиджа Индонезии как самостоятельного игрока на арене мировой политики, который не следует в фарватере какой-либо, пускай и влиятельной, державы, но проводит свою собственную дипломатическую линию. Весьма показательна ситуация, сложившаяся вокруг Абу Бакара Башира. Индонезийские власти не могли оставить деятельность этого религиозного лидера без внимания (его неоднократно сажали в тюрьму), но в то же время старались не дать населению возможности усомниться в том, что решения касательно судьбы экстремиста не стали результатом давления извне. Выдачи Башира американской стороне так и не последовало, а индонезийское

правосудие некоторое время занимало в отношении него не самую жесткую позицию. Это наводило на мысль о том, что власти Индонезии не хотели противопоставлять себя радикальной части исламской общины страны (подобную позицию правительства в известной степени можно наблюдать и сегодня).

Серьезным успехом властей Индонезии стала ликвидация в 2005 г. Азахари Хусина, малайзийца, принявшего сторону ДИ и получившего за свои навыки во взрывном деле прозвище «человек-разрушитель». Хусина считали причастным к терактам на Бали (2002 и 2005 гг.), в джакартском отеле Marriott (2003 г.), у австралийского посольства в Индонезии (2004 г.)¹³.

Аншаад Мбаи, высокопоставленный сотрудник индонезийских силовых структур, справедливо отмечал, что группировка во главе с Азахари Хусином была «очень значительной», однако устранение этого боевика не ставило крест на деятельности террористов¹⁴. Индонезийские силовые органы не остановились на достигнутом, но развили успех.

В 2007 г. был арестован Абу Дуджана, один из лидеров ДИ. Полагали, что после устранения Хусина именно на него была возложена ответственность за контроль над оружием и взрывчатыми веществами ДИ¹⁵. При этом следует заметить, что отсутствует полная ясность в отношении того, каким образом на рубеже веков распределялись роли в этой организации. После смерти Абдуллы Сунгкара в 1999 г. в ДИ, вероятно, наблюдался своего рода дуумвират. Духовным лидером, судя по всему, был Абу Бакар Башир, в то время как ответственным за проведение операций стал Хамбали, имевший тесные связи с «Аль-Каидой». В 2003 г. Хамбали был схвачен в результате совместной операции американских спецслужб и тайских силовых органов. Согласно информированным источникам, на которые ссылается исследователь Б. Сингх, вследствие арестов Абу Бакара Башира и Хамбали должность амира ДИ перешла к Абу Русдану. После того как этот боевик оказался за решеткой, исполняющим обязанности амира стал Нуаим, известный также как Абу Иршад, или Заркасих. Сам же Абу Дуджана признался, что он

возглавлял военизированное крыло ДИ и был подотчетен Нуаиму (того, в свою очередь, схватили в июне 2007 г.)¹⁶.

В 2008 г. Абу Дуджану и Заркасиха приговорили к длительному тюремному заключению. Тогда же судом Индонезии было принято решение о запрещении деятельности ДИ. Несмотря на то, что власти и ранее вели активную работу, направленную на подавление ДИ, формального запрета на существование этой организации не было. По мнению некоторых специалистов, необходимость в вынесении такого вердикта отсутствовала, так как ДИ не обладала статусом официально зарегистрированной структуры. Такую точку зрения разделяли не все аналитики.

Эксперт по борьбе с терроризмом Рохан Гунаратна утверждал: «Раньше индонезийская полиция не могла арестовать человека, если он не собирался совершать теракт или уже не привел свои замыслы в действие. Сейчас же каждый, кто распространяет пропаганду и связан с ДИ, может быть задержан»¹⁷. Таким образом, в руках индонезийских правоохранительных органов оказывался весьма эффективный инструмент, который они могли использовать для обеспечения безопасности в стране. Однако запрет ДИ был призван не только возыметь реальный эффект в деле противостояния террору в Индонезии, но также стать символом приверженности правительства выбранным ценностям и отражением его непоколебимого желания двигаться заданным курсом.

Индонезийские спецслужбы не собирались снижать темпы антитеррористической борьбы. В 2009 г. был ликвидирован Нурдин М. Топ, незадолго до того вышедший из ДИ и организовавший свою террористическую структуру¹⁸. Многие СМИ, как в Индонезии, так и за ее пределами, называли Топу террористом номер один в ЮВА. Годом ранее был приведен в исполнение смертный приговор, вынесенный трем обвиняемым по делу о взрывах, произошедших на Бали в 2002 г.¹⁹

В марте 2010 г. был уничтожен Дулматин, который некоторое время играл важную роль в деятельности ДИ²⁰. Его

подозревали в причастности к совершению крупных террористических актов, в том числе взрывов на Бали.

В начале 2010 г. группировка Дулматина приступила к тренировке боевиков на территории Аче, северосуматранского региона Индонезии, который на протяжении нескольких десятилетий был ареной ожесточенной борьбы между центром и местными повстанцами. В середине прошлого десятилетия, после смертоносного цунами, обрушившегося на Азию, сепаратистам в Аче и правительству Индонезии удалось договориться, и впервые за долгий период времени ачехцы получили возможность жить в мире.

В Индонезии, где большинство мусульман не строго придерживается предписаний ислама, Аче издавна снискал славу района, в котором процесс исламизации пустил корни очень глубоко. Вероятно, этим обстоятельством и пытались воспользоваться боевики, действовавшие при поддержке Абу Бакара Башира, для перенесения своих планов на практическую почву и создания того, что они именовали «"Аль-Каидой" на веранде Мекки» («верандой Мекки» в Индонезии нередко именуют Аче. – Г.С.)²¹. Задуманное, однако, реализовать так и не удалось, что можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, позиции ДИ и людей, так или иначе с ней связанных, за последние несколько лет значительно ослабли. Многие лидеры этой террористической организации были либо арестованы, либо ликвидированы, а сама она отличается отсутствием сплоченности. Во-вторых, для ачехцев боевики, прибывшие из других регионов, «своими» стать так и не смогли. Ачехцы всегда ревностно относились к идее сохранения своей идентичности и не желали, чтобы их земля становилась площадкой для подготовки террористов, впоследствии боровшихся бы за интересы, напрямую с Аче не связанные. Это накладывалось и на стремление сохранить недавно пришедшую в Аче относительную стабильность. Не удивительно поэтому, что планы по созданию на севере Суматры плацдарма боевиков успехом не увенчались.

Устранение угрозы со стороны Дулматина и его группировки в очередной раз продемонстрировало решимость индонезийских властей в борьбе против терроризма, а также,

что не менее важно, неготовность населения, в том числе и весьма консервативно настроенных мусульман, оказывать поддержку террористам лишь по причине того, что они были одной с ними веры.

В начале 2011 г. в Пакистане был арестован Умар Патек, член ДИ, приложивший руку к ряду терактов в Индонезии и имевший тесные связи с «Аль-Каидой». Министр обороны Индонезии Пурномо Юсгианторо отмечал, что, по имевшимся у него данным, Умар Патек находился в Пакистане для встречи с Усамой бен Ладеном²².

Талат Масуд, пакистанский генерал в отставке, подчеркивал: «Арест Патека почти наверняка имел весьма большое значение в этом отношении (имеется в виду ликвидация Усамы бен Ладена. – Г.С.)»²³. Уже упоминавшийся выше высокопоставленный сотрудник индонезийских правоохранительных органов Аншаад Мбаи указывал на то, что арест Патека и ликвидация Усамы бен Ладена говорили о связях между «Аль-Каидой» и террористической сетью ЮВА²⁴.

В августе 2011 г. Патек был переправлен в Индонезию. Согласно сообщениям индонезийских официальных лиц, задержанный признался в причастности к организации взрывов на Бали, произошедших за девять лет до того, и подготовке бомб, использовавшихся во время нападений на несколько христианских церквей в Индонезии в 2000 г.²⁵ В середине 2012 г. Патек был приговорен к 20 годам заключения²⁶.

Противодействие властей ДИ приносило свои плоды. Индонезийскому государству удалось нанести серьезный удар по позициям террористов. В свою очередь ДИ, о чем уже говорилось выше, не была единым целым и представляла собой объединение лиц, чьи устремления и предпочитаемые методы решения поставленных задач различались, подчас серьезно. За последние без малого полтора десятилетия это не раз приводило к расколам в рядах ДИ, что одновременно упрощало и усложняло стоявшую перед индонезийским государством задачу противодействия террористам.

В какой же степени ДИ и другие радикальные структуры выиграла от смены политического климата, произошедшей в

Индонезии после падения режима Нового порядка? На данный вопрос довольно трудно дать однозначный ответ. Несомненно то, что у них появились прежде отсутствовавшие возможности, но при этом власти не собирались безмолвно наблюдать со стороны за тем, как исламский радикализм поднимает голову, и наносили удары по позициям террористов. Примечательно, что между эпохой авторитаризма и периодом реформ можно обнаружить больше точек соприкосновения, чем кажется на первый взгляд. Это относится и к социально-политической подоплеке деятельности исламских радикалов.

В сухартовской Индонезии пространство для маневра у реальных или потенциальных оппозиционных элементов было незначительным. Отсутствие возможности систематически выражать свои взгляды и бороться за собственные идеалы, если они противоречили официально провозглашенному курсу государственного развития, заставляло некоторые лица выходить за рамки законности и порядка. Сама природа авторитаризма предполагала, что в политическую архитектуру страны инкорпорировались только те силы, деятельность которых не могла привести к серьезному нарушению сложившегося баланса. Остальные игроки в социально-политической сфере были маргинализированы или ликвидированы. Это привело к тому, что люди, недовольные положением дел в стране, иногда обращались к тактике подпольной борьбы. Движение «Даруль ислам», подавленное властями в начале 1960-х гг., сумело возродиться при Новом порядке во многом благодаря антисухартовским настроениям, которые выразить открыто население не могло. Недовольство доминирующим положением армии в жизни Индонезии и незначительной ролью, отведенной исламу в политическом бытии страны, становилось важным фактором при наборе экстремистами новых кадров. Безусловно, успехи радикалов в борьбе за пополнение своих рядов нельзя переоценивать. Воссозданное на рубеже 1960–1970-х гг. движение «Даруль ислам» так никогда и не сумело превратиться в многочисленную структуру. Однако, несмотря на противодействие властей, а оно по некоторым причинам не всегда было активным, приток свежей крови наблюдался на

протяжении довольно долгого времени. Само движение напоминало о себе своими преступными акциями, подчас громкими.

Похожая в определенном отношении картина сложилась в Индонезии и после ухода президента Сухарто. На первый взгляд, ситуация кардинальным образом изменилась. В стране начались реформы, многие запретительные меры, к которым прибегали руководители режима Нового порядка, остались в прошлом. Однако принятие законопроекта или издание указа не может автоматически повлечь за собой те или иные последствия: неперенным условием успеха реформ является готовность населения в целом и политической элиты в частности играть по новым правилам. В постсухартовской Индонезии перестройка государственной системы и отказ от некоторых элементов политического наследия проходили далеко не безболезненно.

После отставки Сухарто часто говорилось о том, что главное препятствие на пути исламских сил к власти исчезло и в изменившемся историческом контексте им удастся превратиться в политического тяжеловеса. Этого не произошло по ряду причин. Во-первых, несмотря на несомненные достижения, которых добилась страна в годы преобразований, развитой партийной системы в ней так и не сложилось. После начала реформ было создано немало партий исламской ориентации, однако у части мусульманской общины Индонезии вызывает недовольство то, что большинство из них представляет собой безликие структуры, не имеющие собственного политического почерка и мало отличающиеся от других партий. Во-вторых, преобладающая часть индонезийцев последовательно демонстрирует отсутствие желания выражать им доверие лишь из-за их внешних атрибутов. Самоидентификация человека как мусульманина иногда уступает дорогу восприятию самого себя в ином, неисламском ракурсе. При всем этом выйти за границы закона и приступить к перекройке государства насильственными методами большая часть исламских структур пока не может (или не хочет), так как в настоящий момент развитие событий по такому сценарию едва ли найдет поддержку широких слоев населения.

Отличительной чертой современной политической системы Индонезии является не только отсутствие идеологической дифференциации партий, но и оторванность элиты от народных масс. В результате в государстве существует опасная поляризация. С одной стороны, наблюдаются партии и общественные организации, живущие в собственном мирке и отделенные от основной людской массы широким рвом, с другой – простой народ, некоторая часть которого разочаровывается не только в тех или иных структурах, что должны защищать его интересы, но и в системе в целом. Это приводит к тому, что, как и в годы президентства Сухарто, потенциально привлекательной для определенных социальных элементов может стать неконституционная борьба за свои идеалы. Особенно актуально это в случае с исламскими консерваторами, которые имеют в Индонезии долгую традицию внесистемной деятельности, сегодня накладывающейся на активизацию политического ислама во многих регионах планеты, что образует взрывоопасную смесь. Ситуация усугубляется наличием в Индонезии регионов, становившихся в последние годы ареной кровопролитных столкновений на межэтнической и межрелигиозной почве. ДИ и другие радикальные структуры могут воспользоваться уже существующими, например на Молукках, Сулавеси или Калимантане, проблемами.

При оценке политической ситуации в Индонезии важно учитывать также и мнение армии страны. Укрепление позиций радикального ислама, не исключено, приведет к тому, что вооруженные силы попытаются вновь показать себя как единственный институт, который способен гарантировать порядок в многоэтническом и мультирелигиозном обществе и обязан иметь существенное политическое влияние. В Индонезии подчас высказывается мысль о том, что спецслужбы приложили руку к террористическим актам последних лет. В данной статье, пожалуй, следует воздержаться от вынесения суждений такого рода, однако стоит напомнить, что при Сухарто силовики и некоторые элементы «Даруль ислама», флагамена радикальных мусульман того периода, судя по всему, иногда взаимодействовали²⁷. При этом справедливости ради

необходимо подчеркнуть, что после ухода Сухарто армия последовательно шла по пути реформ, не предпринимая серьезных шагов в направлении возвращения оставленных в конце 1990-х гг. позиций (в будущем курс развития вооруженных сил, безусловно, может измениться).

Постсухартовский период в истории Индонезии видел как успехи, так и неудачи властей на поприще подавления активности террористов. Взрывы продолжают раздаваться в различных районах государства, но неоспоримо и то, что многие преступники, лидеры исламистского подполья (а его центром все эти годы была именно ДИ), без наказания не остаются. Правительство Индонезии работает над улучшением своей антитеррористической стратегии. Властям принципиально важно воздерживаться от заигрываний с радикальным исламом, какие бы выгоды они ни сулили в краткосрочной перспективе, а также учитывать то, что борьбу с террористической угрозой необходимо рассматривать в широких социальном, политическом и экономическом контекстах. Если в будущем правительство ограничится уничтожением уже существующих радикальных элементов, забывая о создании в стране обстановки, которая не подталкивала бы население в объятия террористов, то имеющиеся проблемы с обеспечением безопасности станут еще серьезнее.

¹ The Sydney Morning Herald, 16.10.2002.

² *Solahudin*. NII Sampai Ji: Salafy Jihadisme di Indonesia. Jakarta, 2011. Hlm. 248–249.

³ *Ibid.*, hlm. 249–250.

⁴ *Ressa M.A.* Seeds of Terror: An Eyewitness Account of Al-Qaeda's Newest Center of Operations in Southeast Asia. New York, 2003. Pp. 77–78.

⁵ *Abuza Z.* The Social Organization of Terror in Southeast Asia: The Case of Jemaah Islamiyah // *Countering the Financing of Terrorism*. London, New York, 2008. P. 69.

⁶ *Conboy K.J.* The Second Front: Inside Asia's Most Dangerous Terrorist Network. Jakarta, 2006. P. 69.

⁷ *Abuza Z.* *Op. cit.*, p. 69.

- ⁸ Antara (Jakarta), 11.10.2012.
- ⁹ The Economist (London), 14.06.2007; The Jakarta Post, 14.09.2010.
- ¹⁰ *Singh B.* The Talibanization of Southeast Asia: Losing the War on Terror to Islamist Extremists. Westport, 2007. P. XXVI.
- ¹¹ *Abuza Z.* Militant Islam in Southeast Asia: Crucible of Terror. Boulder, London, 2003. P. 240.
- ¹² Newsweek (New York), 28.10.2002.
- ¹³ Gatra (Jakarta), 14.11.2005.
- ¹⁴ Philippine Daily Inquirer (Makati City), 11.11.2005.
- ¹⁵ The Economist (London), 14.06.2007.
- ¹⁶ *Singh. B.* Op. cit., pp. 64–65.
- ¹⁷ The Sydney Morning Herald, 22.04.2008.
- ¹⁸ Kompas (Jakarta), 18.09.2009; The Sydney Morning Herald, 18.09.2009.
- ¹⁹ The Jakarta Post, 09.11.2008.
- ²⁰ Kompas, 12.03.2010; Reuters (London), 10.03.2010.
- ²¹ The Australian (Sydney), 11.02.2011; The Jakarta Globe, 14.02.2011; Suara Pembaruan (Jakarta), 16.06.2011.
- ²² The Australian, 05.05.2011.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ The Guardian (London), 11.08.2011.
- ²⁵ Ibid.; Kompas, 13.08.2011.
- ²⁶ Antara, 21.06.2012; The Jakarta Post, 21.06.2012.
- ²⁷ *Solahudin.* Op. cit., hlm. 103.